

НИЖНЯЯ ПОДСВЕТКА ВКЛ.

ПОВЕСТЬ В РАССКАЗАХ

Владимир (Володя) ЗЛОБИН

Прозаик. Родился в 1990 году в Новосибирске. Публикации в журналах «Сибирские огни», «Москва», «Новый мир», «Урал» и др. Автор художественных и литературоведческих произведений, лауреат премии журнала «Сибирские огни» за 2017 год (роман «Гул»). Постоянного места проживания, телефона и адреса не имеет.

Мише по случаю напоминали, что эти его самолётики — ещё не война, а так, что-то поблизости. В ответ Миша улыбался и говорил: «А мне кажется, это как раз она».

Он был дронщиком. Без штатки, как и все в выкroенном из взвода отрядике из двух человек. Второй, Шама, был невообразимо, лет на десять, старше — с высоты тридцати годов он присматривал за таким же, как он, добровольцем. «Объективная реальность — птички. Остальное в тумане», — любил говорить он.

Кто летал на «мавиках»*, и правда мог говорить про объективную реальность, данную в шикарной картинке, а Мишины «камики»** давали зернистый рыскающий взгляд, обрывающийся, как перед смертью. С камиком нужно было суметь совладать, у него был норв, желание порвать невидимую узду. Но если дрон на скорости всё-таки влетал в цель, победа была как от покорившегося скакуна.

Миша приехал на войну с мечтой подбить незванный кошачий танк, но Шама объяснил: то, что ты смотрел в «Телеграмчике», — это редкий трофей даже у больших специализированных пидроздилов, мы же — просто поддержка незамысловатой пехоты, и наша основная работа так же скучна, как лекции, с которых ты отпросился. И Миша наводил «камикадзе» на блиндажи, наводил на окопные перекрытия, наводил на крытки, лисьи норы и подозрительные кусты, наводил на антенны,

Mavic — квадрокоптер. —
Здесь и далее прим. ред.

*Камикадзе» — квадрокоптер.

стрелковые ячейки и пулемётные гнёзда, а однажды почти навёл на пикап, но был перерублен РЭБ*. Шама же вёл разведку, сбрасывал гранаты на минные слагбаумы, иногда — на людей.

Задача была проста — не дать врагу накопить штурмовиков, которые смогли бы резким ударом отбить посадку. Супостат занимался тем же, и по обе стороны истрёпанная пехота сторожила раздираемые «камиками» окопчики, чтобы в них не зашли те, кто хотел и был готов воевать.

«Серая зона растёт, — вещал Шама, — мы пятимся от неё и однажды столкнёмся спинами с отступающим противником».

С провинциального истфака, Шама любил изрекать подобное. На одной волне с ним был только Миша, да и то на азарте, когда не задумываешься о чужих словах. Он был по-мирному весел, имел звонкий, ещё не отошедший от детства смех. На его телефоне хранились такие странные мемы, что даже Шама не понимал их, хотя именно у него — «ты ж молодой!» — спрашивали, что это опять за херня в чате. А Миша как ни в чём не бывало таскал с собой плюшевую куклу Фумо, которая устало шурилась на вопрос: «Ты шо, дурачок?».

Однажды взвод отвели в тыл. Был концерт, на котором читали стихи. Шама долго вертелся в кресле, не выдержал и попросился прочесть. Читал он про то, как смерть спускалась на воздушном шарике, читал для себя, находя удовольствие в том, что смог связать столь изысканную метафору с собственным ремеслом. И когда на сцену вышел Миша, ему уже не так охотно протянули микрофон, точно он собирался испортить патриотические гимны чем-то совсем нехорошим.

«Я бы хотел прочитать стихи великого русского поэта, нашего дорогого брата Дениса Чернухина».

Набрав в лёгкие побольше воздуха, Миша зачитал с телефона единственное стихотворение, которое знал и любил: «СЛОВНО...»

Народ сначала оторопело молчал, потом до истерики хохотал, после снова молчал — было в стихотворении что-то такое, чего не было в другой, правильной, поэзии. За эту выходку Миша получил угрозу оказаться в штурмовиках. Выложенная в групповой чат Фумо была не против.

Взвод перебросили на участок, где шло наступление, хотя «наступление» — с трудом продавленная полоса земли, было под стать «взводу», просто группе людей, кое-как приспособившихся к изменившемуся характеру войны. Пришло усиление из ветеранов, но они были на боевых больше года назад и потому пристали с расспросами. Тогда Шама поднял палец к небу и сказал, как пророк: «Смотрите и слушайте». И поняли ветераны, что это хорошо. Шама меж тем объяснял: «Далёкая жужка — это, как правило, “мавик”, но если звук тяжёл — разведчик, скорее всего, чем-то гружённый; а “камики” — близкий противный звук, как от комарика». Миша ждал, что Шама скажет своё коронное слово «скнип», которым обозначал весь

Народ сначала оторопело молчал, потом до истерики хохотал, после снова молчал — было в стихотворении что-то такое, чего не было в другой, правильной, поэзии.

механический гнус, но в нужный момент Шама умел не нагружать понтами. Тем более что задача предстояла сложная.

Нужно было взять дачный посёлок на три сотни домиков. За ними начинались высоты, по которым можно было охватить городок с тёплым степным названием. Войск не хватало, и Миша думал, что их тоже поставят на автомат, но старый, ещё с прошлых войн, командир сберёг дронщиков. «Бойся быть приданным!» — как заведённый повторял он и с грустью осматривал своё воинство — штурмовиков в поясах из собачьей шерсти, главной заботой которых было так прыгнуть с бэтэра, чтобы не повредить изношенные колени.

Пришла осень. Миша с Шамой обустроили позиции, с которых начали облетать местность. В первый же день Шама обнаружил тропу, по которой снабжался узел обороны, и щедро накидал в ковыль лепестков. «Мы знаем повадки травы», — усмехнулся он. Пока Шама выявлял цели, Миша не без корысти брал заказы по направлениям. Он быстро подружился с соседями, и по ночам в подновлённый блинчик потянулась местная публика. Шама ворчал, особенно когда набивал оставшийся от гостей мусор в мешки с землёй, но и сам любил посмотреть, как балагурит Миша.

Он в красках рассказывал, как подложил Фумо в спальник задиристому горному воину, и на фотографиях бородач так умилительно посапывал рядом с анимешной девчулей в платишке и с бантом, что эти снимки групповой чат сразу понял. С полочки ухмылялась кукла — так всё и было, семпай*.

Не смеялся только один насупленный низенький человек. Он производил грустное впечатление танкового командира, которому не суждено осуществить танковый прорыв. Выпив, человек рассказал, что с детства бредил танками, каждый облазил в родном городке. И казалось, что мечта вот-вот исполнится, что он прорвёт фронт колесницей, но сначала не получилось из-за этих вот — танкист неопределённо махнул назад: «Потом из-за вас. Теперь я сижу в скворечнике и с закрытых позиций дырявлю небо. И что, это всё зря было, что ли? Я теперь что, пушка сраная, и всё?»

Будто в танке пушка была не главной, будто в нём было важно что-то совсем другое.

В другой раз кто-то развёл бодягу про то, что мирные пороха не нюхали по клубам своим, и Миша не нашёл, чем такое вот прошутить. Тогда Шама возразил, что с радостью бы вернулся домой, зашёл в шумное место, даже в клуб, отыскал бы какого-нибудь парнишку и спросил бы, кем он работает. А он: да вот, на «газельке». И я бы ему сказал: братан, это же так замечательно, дай Бог тебе до конца жизни по утрам хлеб развозить.

«Иначе во всём этом, — Шама обвёл землянку рукой, — вообще нет смысла».

Противник нагнал птичек и тоже стал высматривать блиндажи. То и дело рвались каскетки. Задач беспилотью нарежали

Не смеялся только один насупленный низенький человек. Он производил грустное впечатление танкового командира, которому не суждено осуществить танковый прорыв.

Сэмпай, семпай (яп.: 先輩 — senpai — товарищ, стоящий впереди) — любой человек, который занимается тем же делом дольше, имеет больше опыта в определённой области.

как на целый батальон, зато поставили на централизованное снабжение. Шама посмеивался над Мишей, которому после вылетов приходилось заносить в журнал координаты применения, цель и результаты объективного контроля — все скучные, официальные слова.

— Мне что, писать, что я куст зафигачил?

— Пиши, что был удар по огневой точке противника. — Шама расхохотался.

— Ты чего?

— Никогда бы не подумал, что буду фальсифицировать историю.

Миша слабо улыбнулся. Он впервые бил по домам. И это было... это было иначе. Если завести дрон в здание, оно пыhalo, как раздавленный дедушкин табак. Стены выпадали наружу, крыша на мгновение повисала, а потом опускалась, как лист лопуха. Добротные кирпичные постройки разбивались первыми. Наверное, не могли рассеять волну, а может, под ними чаще рыли и потому туда чаще били. Халабуды стояли дольше. Они пропускали сквозь себя весь удар, словно выдували пыль из стареньких лёгких, как бы покуривая за какой-то своей историей.

Штурмовать решили двумя колоннами, и дрончиков вызвали для корректировки. Командиры вглядывались в мониторы и кричали по рациям, а по равнине ползла бронетехника, которая с высоты всегда кажется беззащитной. Над ней неслышно раскрывались белые облака. Высадив пехоту, коробочки поворотили обратно, мимо разгорающихся собратьев.

С дач начали отвечать. Миша тут же запустил «камик». Изображение в очках было тусклым, с холодной осенней рябью. Дома приближались. Из шпал, из речек с глиной, из всё-таки полюбленной фанеры — в них было столько сложного нечаянного труда, что даже сквозь помехи чувствовалось: эти будут стоять насмерть. Мелькнул забор из старых разноцветных лыж. Неподаляку выворотило огромные кованые ворота, а забор стоял, и кончики лыж загибались, почему-то похожие на тюльпаны. Миша покружил, выискивая цель среди наивно запертых сараев. Пулемёт бил из-под дома с голубыми ставнями. Миша неудачно спикировал, и «камик» врезался в крышу. Доски перекрытия разлетелись, как солома, если дунуть в неё.

Пехота отошла, по дачам ударила арта. Мише захотелось крикнуть: «Не надо! Я справлюсь лучше!» — и он поразился мысли, что здания могут быть ценнее людей. Арта попала заметно дальше, то ли в используемые, то ли в покинутые строения. Ею долбили, пока не взметнули с парника позабытую плёнку — всю разом, дырявую, тлеющую, она металась по воздуху, как испуганное привидение.

Штурм решили отложить. Шама было велено «накидывать этим сукам воланчиков», а Мише выдали толстые, похожие на колотушку термобарические гранаты. На тощих

Командиры вглядывались в мониторы и кричали по рациям, а по равнине ползла бронетехника, которая с высоты всегда кажется беззащитной.

«камиках» они смотрелись как брюшки злопамятных насекомых. Мише не хотелось воевать огнём, точно он был безжалостнее железа. От термобара получался плотный, запыленный взрыв, словно он и правда хотел кого-то убить. «Камик» хрипел от предельной нагрузки. Когда его всё-таки удалось завести в подвал, из незаметных прежде щелей взвилось пламя, и вся позиция стала похожа на внезапно выкрученную газовую конфорку.

Миша подумал, что в подвале могли быть кошки. «Нэко?» — приподняла бровь кукла.

Следующий накат тоже не удался. Всеми правдами и неправдами удалось запросить авиацию. Миша прежде не видел, как бьют самолёты, а Шама сказал, что видел лишь раз.

— И как это было?

— Поле получило по заслугам.

Шаме приказали снимать удар. Было раннее утро, свет вновь приходил с востока. Домики стояли рядами, и, как во всяком строю, был непонятен принцип, почему одних выбрали и сломали, а других — нет. С неба спланировали две бомбы с крылышками, похожие на те странные геометрические приспособления, что без дела висят у школьной доски. Утренняя дымка взметнулась, и всё скопившееся в пространстве вдруг вымело: от взрывов пошли круги, как по воде, но ведь то была не вода, а земля с возведённым на ней. Часть домов исчезла, другая чуть отступила от места, где дымящаяся воронка уже начала жадно глотать грунтовые воды.

Миша поражённо молчал. При возвращении Шама потерял «мавик».

Подвели трёхлопастные пропеллеры, поставленные вместо штатных. Аппарат накренило, потом кувыркнуло и понесло к земле. Его искали с пустого «камика», потом ещё с одного, а когда нашли, Шама уполз на первую линию — вызволять дефицитный ресурс. Это «камики» выдавали стопками, «мавиков» не давал никто. Всё ещё впечатлённый, Миша не стал сберегать дрон, а задумчиво повёл его над посёлком.

Он залетел на предел дальности, почти на целую улицу, где осень всё ещё скрывала войну. Дачи стояли покинутыми, будто с них просто уехали в город. Кренился дуб с мучнистой листвой: к холодам дуб всегда собирает заразу. Побагровел боярышник, из перевернутых бочек стекла вода. Вспухшая земля распирала самодельные грядочки. Никто не собрал облепиху. Изображение сквозило, будто показывало прошлое. Прежде чем оно окончательно оборвалось, Миша осторожно посадил «камик» на крылечко, словно ребёнком оставил на зиму вещь, за которой обязательно вернётся весной.

Дачи взяли через два месяца, и фронт ворчливо переполз на высоты. Шама с Мишей тряслись в «буханочке» по раскученному посёлку. При поисках беспилотника Шама сам по-

Было раннее утро, свет вновь приходил с востока. Домики стояли рядами, и, как во всяком строю, был непонятен принцип, почему одних выбрали и сломали, а других — нет.

пал под сбросы, был ранен и встал в расчёт только ближе к зачистке. За это время посёлок успел превратиться в руины.

— Серая зона растёт, — напомнил Шама.

Миша отвернулся. За прошедшее время он тоже подросток. Шама понял это по-своему:

— Не бери в голову, это всё не по-настоящему. По-настоящему воюет только пехота. А мы — так, наблюдатели. Война как никогда прежде упростилась до случая. Человек уже почти ничего не значит; вступая в бой, он отдаёт себя силам, которыми не может повелевать. Нам, беспилотью, ещё доверяют бросать жребий, но и это всё ненадолго.

И то, что дважды раненный, чуть не взятый в плен, из которого близко и фрикативно сулили *жуткое*, он уверял, что это не по-настоящему, — не то чтобы принижало что-то, а просто делало бестолковым, ничьим.

На новом месте было пусто и холодно. Дрончики ковырялись в блиндаже, который удалось выкупить за весьма некислый подгон. Когда Шама начал расчехлять спиртовочку, Миша отогнул полог.

— Ты куда?

Миша не ответил. Он добрёл до края посадки и посмотрел вниз, на посёлок. От него остались тонкие дома из одной стены. Даже печи и те не торчали — а ведь печи торчали всегда, словно никто не думал возвращаться на пепелище, возводить вокруг очага дом. Без кирпича и огня земля казалась свободной от бремени, сразу от всех людей.

Было пасмурно. Дул ветер. Миша подумал, что люди испокон веков сражаются за высоты, словно с них можно увидеть, зачем было проливать кровь. И вот опять непонятно. Только равнина напоминала: вы были здесь, перепахали, но не дали зерна и теперь ждёте снега не потому, что устали спорить, а потому что наконец стало стыдно.

Миша достал из рюкзака ухмыляющуюся Фумо и прислонил к дереву. Кукла обиженно свела рот в чёрточку, но исподволь выпрямила взгляд и больше не отводила его. Пусть смотрит вдаль, на эти стёртые дачи, пока её сощуренные глаза не раскроются и не станут как здесь.

Ветер остановился. Человек и кукла вглядывались в смутный предзимний мир, в то медленно наплывающее мгновение, которое можно отмотать далеко назад.

Сзади послышалось:

— Ми-ша! Ку-шать!

Миша вздрогнул. Голос показался родным и знакомым. Он шёл из тех мест, которые с каждым днём становятся всё дальше от нас. Миша радостно обернулся, но увидел лишь изношенные деревья и сплошные серые облака.

— Кушать иди! — донеслось от входа в блиндаж.

Это был Шама. Миша постоял, приходя в себя.

Потом отправился есть.

Ветер остановился. Человек и кукла вглядывались в смутный предзимний мир, в то медленно наплывающее мгновение, которое можно отмотать далеко назад.
